

И.В. Ягич

**Мариинское четвероевангелие с
примечаниями и приложениями. Памятник
глаголической письменности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
И11

И11 **И.В. Ягич**
Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Памятник глаголической письменности / И.В. Ягич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 638 с.

ISBN 978-5-518-05600-8

ISBN 978-5-518-05600-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Знаменитое путешествіе Виктора Григоровича на Аѳонъ и въ славянскія земли Балканскаго полуострова, въ 1844—1845 годахъ, дало ему возможность между прочимъ пріобрѣсти одинъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ старинной глаголической письменности, такъ называемое Маріинское четвероевангеліе, то самое, которое вотъ наконецъ, чуть-ли не сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ оно вывезено изъ Аѳона, выходитъ въ свѣтъ въ полномъ своемъ составѣ. По собственному признанію В. Григоровича, первыя свѣдѣнія о существованіи глаголическихъ рукописей въ аѳонскихъ монастыряхъ были ему переданы бывшимъ австрійскимъ консуломъ въ Константинополь, хорватомъ по происхожденію, Антономъ Михановичемъ. Григоровичъ познакомился съ нимъ въ Солунѣ, видѣлъ у него довольно замѣчательное собраніе славянскихъ рукописей (большая часть ихъ теперь находится въ бібліотекѣ югославянской академіи наукъ въ Загребѣ) и въ особенности „образчикъ“ одной глаголической рукописи (сл. Очеркъ путеш. по Турціи, казанскаго изданія 1846-го года стр. 5), по всей вѣроятности тотъ самый отрывокъ, который А. Михановичъ потомъ подарилъ профессору Миклошичу. Русскій путешественникъ восполь-

зовался указаніями старшаго брата-славянина, видѣлъ дѣйстви-тельно Зографское евангеліе, о которомъ А. Михановичъ ему го-ворилъ, и первый составилъ краткое описаніе его (Очеркъ, стр. 67—70), но о еще болѣе для него важной находкѣ, о приобрѣ-теніи издаваемаго здѣсь памятника, въ отчетѣ о своемъ путеше-ствіи онъ сдѣлалъ только вскользь намекъ: „Кромѣ Зографскаго м. она (т. е. глаголическая письменность) случалась и въ другихъ монастыряхъ, свидѣтельствомъ сего послѣдняго служить неіполная рукопись евангелія, писаннаго глаголическими буквами, о которой расскажу впоследствии“ Очеркъ, стр. 96. Обѣщаніе рассказать объ этой рукописи впоследствии исполнено не ранѣе, какъ спустя лѣтъ пять или шесть; судя однакожь по словамъ И. И. Срезневскаго, Григоровичъ и прежде показывалъ какъ другія, такъ вѣроятно и эту рукопись нѣкоторымъ загранич-нымъ и русскимъ товарищамъ по спеціальности. Въ статьѣ „На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ“ (сл. Сборникъ Отдѣл. русскаго языка и словесн. томъ XVIII, прилож. № 6) И. И. Срезневскій рассказываетъ, что онъ весною 1847 года часто видѣлся съ Григоровичемъ въ С.-Петербургѣ, послѣ воз-вращенія его изъ-за границы, что Григоровичъ тогда уже не былъ такъ застѣнчивъ, какъ прежде, и сталъ болѣе сообщите-ленъ, что онъ собранныя имъ сокровища не скрывалъ, даже позволялъ ими пользоваться. Срезневскій сознается, что по ру-кописямъ Григоровича — стало быть преимущественно по нашему памятнику — и онъ именно тогда почти-что началъ заниматься глаголическою письменностью, при чемъ пользовался указа-ніями и объясненіями Григоровича, который — привожу слова Срезневскаго — съ радостною готовностью, можно сказать съ увлеченіемъ, отвѣчалъ на всѣ вопросы и самъ вызывалъ вопросы на отвѣты, по которымъ былъ богатъ свѣдѣніями. Онъ былъ пре-

данъ глаголицѣ какъ религіозной святынѣ, готовъ былъ всякаго вводить въ ея таинства.

Эта до увлеченія доходившая преданность покойнаго Григоровича не только къ глаголицѣ, но и ко всѣмъ прочимъ предметамъ славянской старины, которую и я еще могъ въ немъ наблюдать въ Одессѣ, въ послѣдній періодъ его жизни, должно быть съ особенною силою высказывалась въ его молодые годы. Она пріятно поражала и Шафарика, какъ видно изъ одного письма къ Погодину 1846 года (въ изданіи Н. Попова подъ № 83), въ которомъ Шафарикъ съ большою похвалою отзывается о литературныхъ открытіяхъ Григоровича и возлагаетъ большія надежды на его дальнѣйшія разысканія по вопросамъ о старославянской, въ особенности глаголической письменности. Ожиданія къ сожалѣнію не оправдались, но быстро возраставшій интересъ къ памятникамъ этой письменности вызывалъ и Григоровича неоднократно на сообщенія о своемъ главномъ приобрѣтеніи, о нашемъ памятникѣ, — сообщенія, правда, очень отрывочныя. Такъ уже въ 1850 году Миклошичъ напечаталъ въ первомъ томѣ „Slavische bibliothek“ на стр. 262—263 полученный отъ Григоровича текстъ одного (CLXIX-го) листа нашего памятника, Іоанна гл. XIX 9—28, съ замѣткою, для насъ теперь не совсѣмъ понятною, что-де по слухамъ кодексъ, за исключеніемъ этого одного листа, пропалъ! Черезъ годъ самъ Григоровичъ заявилъ публично, что кодексъ находится у него. Въ „Предварительныхъ свѣдѣніяхъ, касающихся литературы церковнословянской“ — они напечатаны въ его „Статьяхъ касающихся древнесловянскаго языка“ въ Казани 1852 — онъ говоритъ на стр. 62—63 о томъ, какъ до недавняго времени были извѣстны только два глаголическіе памятника, одинъ въ Ватиканѣ, другой въ Тридентѣ, у графа Клоца, какъ ему удалось на Святой Горѣ видѣть еще и третій (Зограф-

ское евангеліе), въ Очеркѣ путешествія вкратцѣ описанный; потомъ же прибавляетъ: „Тамъ же я пріобрѣлъ еще кодексъ, полнѣе всѣхъ извѣстныхъ, заключающій въ себѣ признаки сходства съ Ватиканскимъ. Кодексъ примѣчательнѣе еще тѣмъ, что исправленъ и помѣченъ кѣмъ-то кирилловскими письменами. Къ сожалѣнію нельзя догадаться, когда сдѣланы поимѣтки, можно только съ достовѣрностью утверждать, что гораздо позже. Поправки и поимѣтки доказываютъ, что славянинъ поправлявшій былъ сербинъ“. — Вотъ и все. Первое сообщеніе счастливаго владѣльца рукописи, какъ видно, вышло черезчуръ лаконическимъ. Оно даже составлено не совсѣмъ удачно. Особаго сходства между этимъ памятникомъ и Ватиканскимъ не могло быть уже потому, что Ватиканское евангеліе — апракосъ, а Маріинское — тетра; гораздо правильнѣе было бы сослаться на Зографское евангеліе, которое именно Григоровичъ могъ тогда знать лучше всѣхъ. Находить примѣчательность памятника въ кирилловскихъ исправленіяхъ тоже было не зачѣмъ, такъ какъ и въ Зографскомъ и въ Ватиканскомъ евангеліяхъ повторяется то же самое. Но у Григоровича все это насъ не удивляетъ; онъ всегда любилъ скрытничать, выражаться полутаинственно, намеками, онъ охотно произносилъ торжественныя рѣчи, но за то иногда цѣлые годы безмолвствовалъ. Этимъ онъ навлекъ на себя маленькое, мимолетное, неудовольствіе Шафарика, въ письмахъ котораго къ Погодину изъ того времени проглядываетъ не то досада, не то разочарованіе насчетъ Григоровича (сл. въ изданіи Н. Попова № 102, 106, 207), и И. И. Срезневскій не выдержалъ, чтобы не сожалѣть въ академическихъ Извѣстіяхъ о томъ (I. 103), что „глаголическое евангеліе, хранящееся у В. И. Григоровича, до сихъ поръ остается совершенно неизвѣстнымъ“. Дѣйствительно, изъ небольшой замѣтки, помѣщенной Григоровичемъ въ томъ же году и въ тѣхъ же Извѣстіяхъ

(I. 86—99), можно было узнать только одно то, что памятникъ, который „нынѣ у Григоровича въ Казани“, прежде находился въ Аѳонскомъ скиту Пресвятыя Богородицы *).

Наконецъ въ 1853 году появилось въ II томѣ академическихъ Извѣстій первое описаніе нашего памятника и маленькая характеристика языка его; то и другое написано самимъ Григоровичемъ и прислано Срезневскому, редактору акад. Извѣстій, для напечатанія. Срезневскій съ своей стороны прибавилъ нѣсколько словъ, которыми обращалъ вниманіе на важность памятника и по немногочисленности остатковъ глаголической письменности вообще, и въ особенности потому, что въ немъ „сохранился древній переводъ не однихъ избранныхъ чтеній евангельскихъ, а всего текста вполнѣ, за исключеніемъ очень немногихъ утраченныхъ листовъ“.

Къ тому же времени (осенью 1852 года) Григоровичъ доставилъ и Шафарыку выписку изъ своей рукописи, для приготовленнаго имъ извѣстнаго изслѣдованія о глаголизмѣ: *Památky hlá-holského písemnictví*; о полученіи выписки свидѣтельствуесть Шафарыкъ въ письмѣ къ Погодину № 108.

Услуги, оказанныя Григоровичемъ обоимъ ученымъ, хотя и не были особенно значительны, но исполнены точно: опечатокъ, вкравшихся въ выписки, напечатанныя въ Извѣстіяхъ кирилловскимъ, въ Паматкахъ глаголическимъ письмомъ, оказывается очень немного, всѣ онѣ не важны, и конечно произошли не по его винѣ. Въ Извѣстіяхъ напечатано: изъ Луки глава XV, изъ

*) Оттуда и названіе — Маріинское евангеліе; оно идетъ въ параллель съ общепринятымъ названіемъ другого памятника — Зографскимъ. Григоровичъ въ Очеркѣ своего путешествія упоминаетъ о томъ, что онъ «для пополненія свѣдѣній о Св. Горѣ» посѣтилъ также скиты Благовѣщенія и — Богородицы. Въ скиту Богородицы онъ видѣлъ 12 рукописей «весьма тщательно написанныхъ» аскетическаго содержанія, но о самой важной находкѣ, т. е. о нашемъ памятникѣ, не говорится ничего.

Іоанна гл. XI, ст. 1—45; въ Паматкахъ то же самое изъ Іоанна, кромѣ того перепечатанъ изъ Извѣстій I. 103 небольшой отрывокъ Марка IV. 3—9 и изъ Slavische bibliothek отрывокъ Іоанна XIX. 10—28. Григоровичъ, должно быть, послалъ однѣ и тѣ же выписки и въ С.-Петербургъ и въ Прагу.

На этомъ дѣло пока остановилось: не сбылась надежда И. И. Срезневскаго (Извѣстія, II. 241), что памятникъ будетъ изданъ весь „съ тѣми учеными замѣчаніями, которыхъ всѣ вправѣ ожидать отъ В. И. Григоровича“.

Но вопросъ о глаголицѣ и ея памятникахъ, поставленный на очередь серьезными изслѣдованіями Копитара, Шафарика, Миклошича и др., на которыя ученые Россіи по большей части отзывались или отрицательно, какъ Бодянской, или скептически, какъ Срезневскій, — этотъ спорный вопросъ внушилъ, нѣсколько лѣтъ спустя, покойному Срезневскому полезную мысль, составить по возможности полное литературное обозрѣніе всѣхъ памятниковъ этой письменности, которые до тѣхъ поръ стали извѣстны, съ приложеніемъ выписокъ и снимковъ. Обозрѣніе появилось по частямъ въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества, начиная со второго тома, потомъ же вышло отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: Древніе глаголическіе памятники, Слб. 1866. И нашему памятнику отведено здѣсь подобающее мѣсто; но выписки, напечатанныя на стр. 91—115 (изъ IV тома Извѣстій Археолог. Общества стр. 116), по большей части не представляли ничего новаго, онѣ были уже извѣстны (вновь прибавлено только изъ Матѳея гл. XX. ст. 1—34); о палеографическихъ и грамматическихъ особенностяхъ памятника тоже сказано очень немного, конечно главнымъ образомъ потому, что по такимъ незначительнымъ отрывкамъ трудно было изучить его. Такъ напр. Срезневскій не имѣлъ возможности догадаться, что „листки г. Михановича“, на-

печатанные и разобранные имъ отдѣльно, на стр. 157—162 (изъ Археол. Извѣстій IV. 197—201), ничто иное, какъ часть нашего памятника — два листка первой тетрадки кодекса, оторванные отъ него, трудно сказать кѣмъ и когда, но прибрѣтенные грекомъ Мина, должно быть въ 1843 году, для А. Михановича. Гораздо важнѣе то, что Срезневскій не узналъ — а по отрывкамъ, бывшимъ у него подъ руками, едва-ли и возможно было узнать — что издаваемый здѣсь памятникъ составляетъ такую же неотъемлемую принадлежность древнѣйшей церковнославянской письменности сербохорватской, какъ напр. Остромирово евангеліе древнѣйшей русской. Со свойственною покойному Срезневскому тонкостью, онъ и здѣсь напомнилъ Григоровичу, чего собственно ожидаетъ отъ него славянская наука, т. е. выразилъ желаніе чтобы „ученый владѣлецъ вскорѣ издалъ издавна имъ приготовляемое критическое изданіе памятника“.

Прошло опять нѣсколько лѣтъ. В. И. Григоровичъ давно уже состоялъ представителемъ славянской филологіи въ Новороссійскомъ университетѣ въ Одессѣ, когда въ 1872 году пришлось мнѣ близко сойтись съ нимъ, какъ съ товарищемъ по факультету. Я увидѣлъ передъ собою человѣка, поражавшаго, правда, нѣкоторыми странностями въ образѣ жизни, очень склоннаго къ подозрительности, по большей части ни на чемъ не основанной, но столь задушевно и безкорыстно преданнаго наукѣ, что я поставилъ себѣ за правило избѣгать всего, что могло бы помѣшать нашимъ дружескимъ сношеніямъ. Поэтому, заѣзжая нерѣдко къ нему, въ его очень скромную квартирку, любуясь его начитанностью и оригинальностью взглядовъ, я изъ деликатности не затрагивалъ вопроса о его рукописяхъ, а предоставлялъ всегда ему самому показывать мнѣ изъ своего собранія то, что онъ заблагоразсудитъ. Такъ мнѣ и не пришлось увидѣть у него по-

длинникъ нашего памятника. Только осенью 1874 года, когда уже было рѣшено, что я переѣзжаю изъ Одессы въ Берлинъ, онъ мнѣ подарилъ на память три фотографическихъ снимка, которыми я и воспользовался при моемъ изданіи Зографскаго евангелія (сл. Зографское евангеліе, Prolegomena стр. XXXVIII—XLV). Тогда онъ мнѣ сообщилъ и о бывшемъ его намѣреніи издать по крайней мѣрѣ часть своего любимаго сокровища фотографическимъ способомъ; дѣло остановилось, сколько помнится, по недостатку средствъ. Нѣсколько подробностей объ этомъ собрано А. Е. Викторовымъ, въ его описаніи „Собранія рукописей Григоровича“ (Москва 1879), которыя считаю не лишнимъ здѣсь привести. Къ № 7 Собранія, заключающему въ себѣ фотографическіе и фотолитографическіе снимки съ подлиннаго глаголическаго четвероевангелія, А. Е. Викторъ прибавляетъ: „Какъ извѣстно, покойный Григоровичъ издавна имѣлъ намѣреніе принадлежавшій ему драгоценный глаголическій паметникъ издать въ свѣтъ въ полномъ составѣ. Но затѣмъ, очевидно затруднившись средствами на этотъ предметъ, рѣшилъ обнародовать только одну часть памятника, именно евангеліе отъ Луки, и въ 1871 г. поручилъ это дѣло, подъ наблюдениемъ покойнаго А. В. Горскаго, фотографическому заведенію Троицко-Сергіевой лавры, гдѣ, судя по сохранившимся въ бумагахъ Григоровича оттискамъ, и было снято, изъ упомянутой части памятника, всего 22 страницы (въ уменьш. видѣ), изъ коихъ инья въ 10-ти, 20-ти и болѣе экземплярахъ. Но почему-то это предпріятіе разстроилось, и въ 1875 году Григоровичъ поручилъ ту же работу картографическому заведенію военно-топографическаго отдѣла Главнаго Штаба, сдѣлавши заказъ снять въ натуральную величину и напечатать назначенную часть памятника (т. е. евангеліе отъ Луки) въ 300 экземплярахъ. Нѣсколько листовъ этого послѣдняго изданія было оттис-

нута еще при жизни Григоровича, остальное окончено послѣ его смерти“.

Григоровичъ скончался † 19 дек. 1876 г.; драгоценное собраніе его рукописей, въ числѣ ихъ и нашъ памятникъ, поступило въ Московскій Публичный и Румянцовскій Музей, а на счетъ заказаннаго фотолитографическаго изданія евангелія отъ Луки наслѣдники Виктора Ивановича обратились къ Обществу Любителей Древней Письменности съ предложеніемъ принять его въ свою собственность, съ обязательствомъ покрыть расходы по изданію. Общество Любителей Др. Письм., оказавшее въ короткое время своего существованія много неоцѣненныхъ услугъ славянской филологіи, изъявило и на это свое согласіе, и въ свою очередь обратилось къ И. И. Срезневскому съ просьбою, для большаго удобства читателей, не привыкшихъ къ глаголическому письму, прибавить къ фотолитографированному тексту глаголическому въ видѣ введенія или приложенія — кирилловскую транскрипцію. И. И. Срезневскій тѣмъ охотнѣе обѣщался это сдѣлать, что онъ самъ не разъ заявлялъ желаніе, чтобы памятникъ скорѣе былъ изданъ, но къ несчастью — и ему не было суждено привести дѣло къ концу.

Пріѣхавъ осенью 1880 года въ С.-Петербургъ, я узналъ, что Общество Любителей Др. Письм. въ самомъ благопріятномъ случаѣ намѣрено пустить въ свѣтъ только вышеупомянутую часть этого важнаго памятника, которая дѣйствительно и вышла въ 1881 году какъ № LIX и LXXIX изданій Общества Л. Д. П., подъ заглавіемъ: Евангеліе отъ Луки изъ глаголической рукописи XI вѣка, — безъ кирилловской транскрипціи. Но мнѣ всегда казалось, что интересъ славянской филологіи требуетъ полнаго критическаго изданія всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ; поэтому я, узнавъ въ чемъ дѣло, рѣшился немедленно приступить къ

изданію нашего памятника, подъ покровительствомъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, по образцу только что изданнаго мною же Зографскаго евангелія. Московскій Публичный и Румянцовскій Музей, идущій всегда охотно на встрѣчу ученымъ, желающимъ пользоваться его собраніями, не отказалъ Императорской Академіи Наукъ въ ходатайствѣ доставить мнѣ рукопись въ С.-Петербургъ, за что приношу ему мою искреннюю признательность. Такимъ образомъ, лѣтомъ 1881 года была мною сдѣлана самая тщательная транскрипція кирилловская всего памятника по подлиннику; но приступить къ печатанію тотчасъ же оказалось невозможнымъ потому, что обыкновенный славянскій шрифтъ академической типографіи не удовлетворялъ меня, какъ не соответствующій вкусамъ нашего времени, гражданскими же типами пользоваться при изданіи столь древняго памятника мнѣ какъ-то не хотѣлось. Вслѣдствіе изъявленнаго Отдѣленіемъ желанія типографія Академіи Наукъ по матрицамъ, пріобрѣтеннымъ ею черезъ мое посредство изъ Вѣны, изготовила новые славянскіе типы двойкой величины, которыми это изданіе и напечатано. Я старался воспользоваться невольною задержкою для того, чтобы по мѣрѣ возможности дать изданію удовлетворительный видъ, сообразно съ требованіями самой строгой критики. Хотѣлось этотъ памятникъ, такъ долго ждавшій своей очереди, издать наконецъ такъ, чтобы имъ была почтена память обоихъ русскихъ ученыхъ, имена которыхъ тѣсно связаны съ нашимъ памятникомъ и не разъ упоминались въ этомъ очеркѣ послѣднихъ его судебъ.
